

Отдельные аспекты гарантий прав и законных интересов концессионеров

*Становая О. В., асп. БГЭУ,
науч. рук. Манкевич И. П., канд. юр. наук, доц.*

Задача привлечения инвестиций в значимые инфраструктурные проекты с целью их дальнейшей эффективной реализации является ключевой для экономики любой страны. Особая роль, в данном случае, отведена деятельности на основе концессий. Концессионные соглашения не являются новым инструментом государственно-частного партнерства, эффективность их использования была доказана еще в первые десятилетия существования советского государства. В настоящее время это направление не утратило своей актуальности в связи наличием дефицита иностранных инвестиций, столь необходимых для экономики Республики Беларусь. Несмотря на принятие Закона Республики Беларусь № 63-З от 12.07.2013 г. «О концессиях» (далее – закон о концессиях), данный механизм государственно-частного партнерства оказался недейственным, вследствие чего, не теряет своей актуальности вопрос о дальнейшем совершенствовании концессионного законодательства, выяснении причин и условий, препятствующих его практическому применению.

Инвестиционная политика и регулирование концессионной деятельности должны строиться на оптимальном сочетании и балансе публичного и частного интересов. Однако отсутствие надлежащего обеспечения прав и законных интересов инвесторов в условиях долгосрочного сотрудничества в рамках концессионных соглашений является существенным недостатком правового регулирования концессионных отношений, и ставит в тупик их дальнейшее развитие. Согласно ч. 1 ст. 4 закона о концессиях, концессионерам предоставляются гарантии, предусмотренные законодательством для инвесторов, а Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 г. № 53-З «Об инвестициях» гарантирует перевод компенсации и иных денежных средств инвесторов (ст. 11) и защиту имущества от национализации и реквизиции (ст. 12). Подобная регламентация гарантий прав концессионеров, с учетом долгосрочности и масштабности деятельности, крупных капиталовложений является недопустимой, в связи с чем можно констатировать наличие пробела в концессионном законодательстве Республики Беларусь.

Мировая концессионная практика выработала несколько схем концессионной деятельности: 1) Строительство–Эксплуатация–Передача (BOT); 2) Строительство–Владение–Эксплуатация–Передача (BOOT); 3) Строительство–Передача–Эксплуатация (BTO); 4) Строительство–Владение–Эксплуатация (BOO) [1, с. 82]. Анализ закона о концессиях показал, что в Рес-

публике Беларусь применяется схема Строительство–Передача–Эксплуатация, согласно которой концессионер за счет собственных средств создает объект, выполняя действия, предусмотренные предметом концессионного соглашения, передает его в собственность концедента и в дальнейшем эксплуатирует на основе того вида договора, который предлагается законом о концессиях: с сохранением права собственности на всю произведенную продукцию (полный договор) либо на ее часть (концессионный договор о разделе продукции). Таким образом, концессионер, обеспечив собственными средствами строительство и в дальнейшем эксплуатацию объекта, не приобретает права собственности на созданный им объект, что не может согласоваться с интересами потенциального инвестора, который оценивает существующие средства защиты своих инвестиций, а также предпринимательские риски, которых возникает достаточно много при реализации проекта: политические и экономические реформы, изменения законодательства и др. Результат подобных изменений предугадать невозможно: от ухудшения качества самого объекта до срыва реализации всего проекта и применения штрафных санкций.

Компромисс между интересами концессионера и концедента может быть найден за счет передачи права собственности концессионеру на объект концессии по завершении его строительства и перед началом эксплуатации. Подобная схема деятельности предлагалась известным специалистом в концессионной сфере деятельности С. А. Сосной, который в качестве общего правила предлагал совершать переход права собственности на имущество, изготовленное концессионером или иным образом созданное им за свой счет, по истечении срока действия концессии, т. е. тогда, когда, по логике, его стоимость полностью амортизирована в соответствии с соблюдаемым по договору балансом имущественных интересов сторон [1, с. 200]. В данном случае, речь идет о переходе Республики Беларусь на концессионную схему Строительство–Владение (по праву собственности) –Эксплуатация–Передача, которая предусматривает строительство объекта в соответствии с концессионным соглашением и эксплуатация его концессионером (по праву собственности), после окончания срока соглашения переход права собственности на объект к концеденту. Использование «своего» объекта концессии станет стимулом для более эффективного, внимательно, бережного эксплуатации концессионного имущества. Введение данной конструкции в Республике Беларусь, повлечет концептуальную переработку закона о концессиях, однако подобный механизм передачи права собственности может гарантировать инвестору надлежащее обеспечение и защиту его прав, стабильность деятельности в течение срока действия концессионного соглашения, что будет стимулировать инвестиционную деятельность в сфере государственно-частного партнерства.

Литература

1. Сосна, С. А. Концессионные соглашения: теория и практика / С. А. Сосна. – М. : ООО «Нестор Академик Пабlishерз», 2002. – 256 с.

Commercialization of space activities

*Шваюнова А. Д., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Макаревич И. И.*

At the dawn of outer space exploration it was primarily governments that were able to carry on outer space activities which were extremely dangerous and expensive. Subsequently, the government had a leading role on this arena which was illustrated in the international treaties adopted in the period of 1960th and 1970th.

For now, the aforesaid situation has changed: drastic development of cosmonautics and emergence of innovative technologies are obvious. The space hotel of ROSCOSMOS, the red car of Elon Mask floating around in solar system, 3-d printed moon base of ESA in the outer space- this is the brainchildren of the commercial field representatives.

Besides the technological changes, the economical situation also differ from the ‘era of multilateral space treaties’: the Space Foundation’s annual report of 2017 has shown that “the global \$329 billion ‘space economy’ in 2016 is comprised of the following segments: commercial infrastructure and support Industries, 38%; commercial space products and services, 38%; U.S. government space budgets, 14%, and non-U.S. government space budgets, 10%”.

Consequently, the commercial sector has a great, 76th percent influence on the global space economy and, moreover, within this sector state-of-the art technologies are developed. The importance of the commercial actor is incontestable, it could be said that the scope of the parties is probably expanding by the new appearing subject.

On the one hand, space activities (the object) has greatly changed as well as the subjects, but on the other hand, there is a crucial international treaties that codified the situation existed 50 years ago. According to the Liability Convention it is only government that is a comprehensive subject in the sphere. The Outer Space Treaty and the existing body of international space law is also intended only for the government and does not extend to private individuals.

According to the history, the preferential status of states coded in the Liability Convention was the result of 10-year-long reconciling of opposing views of the USSR, which defended the exclusive right of states to carry out any space activity, and the USA interested in the participation of private enterprises. Dating back to